

Таёжные очерки

Из литературных архивов

Фёдор Иванович Чудаков (1888—1918) — талантливейший сатирик начала XX века, сотрудник и редактор ряда благовещенских газет и журналов, печатавшийся под псевдонимами Амурец, Босьяк, Гусляр, Язва и др. Самый яркий литератор Приамурья дореволюционного времени, он ушёл из жизни, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому моменту это уже была по-настоящему масштабная творческая фигура, явление общенационального, а не «местного», не регионального характера. По мнению многих знакомых с творчеством Чудакова современников, его фельетоны, печатавшиеся в малотиражной амурской периодике, ничем не уступали сатире Саши Чёрного, Аркадия Аверченко, Аркадия Бухова, Тэффи (Надежды Лохвицкой) и других прославленных современников, авторов популярных в начале XX века столичных журналов «Сатирикон» (1908—1914) и «Новый Сатирикон» (1913—1918). Но Чудаков был не только выдающимся сатириком, талантливым, во многих отношениях оригинальным лириком, драматургом, публицистом. Оказывается, он был автором многочисленных прозаических произведений: захватывающих дух приключенческих повестей «Диана Кедровская»

и «Дочь шамана» (первая на енисейском, вторая на амурском материале), серии забавных рассказов о детстве, увлекательных рыбацких и охотничьих историй, пронизанных тонким юмором автобиографических рассказов, в том числе о тюремно-ссылном периоде жизни, интереснейших очерков, посвящённых поездкам автора по Приамурью. Все эти тексты рассыпаны по номерам ставших библиографической редкостью периодических изданий начала XX века.

Вскоре после трагической гибели сатирика в силу идеологических причин — абсолютного неприятия им большевистской власти (и самоубийства на этой почве) — всё, что связано с его личностью и его творчеством, было предано полному, абсолютному забвению.

В подлинном своём масштабе и относительной полноте личность и творчество Чудакова стали открываться совсем недавно — в процессе работы над «Энциклопедией литературной жизни Приамурья XIX—XXI веков» (издана БГПУ в 2013 г.). Именно в последние 5–6 лет были по крупицам собраны многие лирические и сатирические стихотворения, фельетоны, рассказы, повести, воспоминания Чудакова, рассеянные по страницам ныне

Фёдор Иванович Чудаков с женой Варварой Ипполитовной и дочерью Наташей

малодоступной периодической печати 1910-х годов: газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», журналов «Ключки», «Зея», «Дятел, беспартийный» и др.

Всё это вошло в книгу избранных произведений Ф. И. Чудакова, которая готовится сейчас к печати в издательстве «Рубеж» (Владивосток). Книга имеет огромное множество примечаний, комментариев, которые помогут глубже понять произведения Чудакова, расскажут читателям о тех российских и амурских персонах, которые стали объектом сатирического изображения, о забытых событиях, которые он отражал в своём творчестве и пр. Надеюсь, книга в ближайшем будущем вый-

дет и у всех желающих появится счастливая возможность получить наконец целостное, объёмное представление о нашем выдающемся писателе-земляке.

А пока предлагаю вниманию читателей «Приамурья» включённые в эту книгу художественные очерки Ф. Чудакова, которые печатались лишь однажды — в газете «Амурское эхо» почти век назад, в 1916-м.

Александр Урманов,

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
литературы БГПУ*

1. Беспокойная ночь

На карту были брошены два самолюбия: нашего паровоза и дождевой тучи. Туча бежала впереди, волоча за собой широкий шлейф проливного дождя, а паровоз летел за нею, пыхтя от натуги и изредка бросая в небо бодрый крик: «Ладно, мол, не уйдёшь!»

— Ишь, дурак, язви его! И впрямь догнать хочет! — ворчал старый обер¹, сидевший вместе с нами на пустой грузовой платформе. — Выкукует к ничто, рябой леший!

Рябой леший был, очевидно, машинист и, по нашему мнению, вполне заслуживал гораздо более серьёзного уродства. Что, в самом деле, за фантазия — играть в горелки с ливнем?! Уж если приспичило купаться, прыгал бы с моста в первую попавшуюся речку. Ему хорошо под крышей-то, а тут, посреди платформы, не палатку же нам разбивать.

Мы тревожно следили, как убегала от нас мутная стена дождя, оставляя за собой широкие лужи, бурлящие канавы, примятые полосы высоких таёжных трав. Мохнатые листовенницы хмуро отряхивали с ветвей крупные светлые капли и, казалось, жёлчно и сердито фыркали, как фыркает ошеломлённый прохожий, на которого из окна сверху выплеснули ведро воды. Тайга, вообще, имела недовольный вид. Она уже готовилась, позёвывая, ко сну, когда налетела эта воздушная разбойница-туча и опрокинула с неба целый поток. Тайга была очень недовольна и что-то бормотала листками берёз, но прислушиваться нам было некогда. Скорее бы добраться до разъезда!

Поезд на уклонах развивал отчаянную прыть, и нужно было крепко держаться за тормоза, чтобы не вылететь в канаву. Ох, догонит проклятый машинист тучу! Угостит он нас ванной!

¹ Обер — старший кондуктор, начальник поезда.

— Однако вот и Селеткан! — сказал обер. — Сейчас даст тихий, вы и прыгайте. Да не торопитесь, успеете.

Слава Богу! Впереди сверкало здание разъезда, а туча всё мчалась вперёд. Поезд пошёл тише, всё тише, наконец почти совсем остановился. Распростившись с обером, мы сошли на полотно. Паровоз свистнул и опять рванулся вперёд. Ладно, теперь скачи! Желаем успеха!

Вечерний сумрак уже совсем затушевывал лесные просветы, когда мы подошли к зданию разъезда. Оно было заколочено, разъезд считался закрытым. Что ж, толкнёмся к ремонтным рабочим, заночуем у них. Но когда подошли к бараку, оказался запертым и он. Постучали. Из окна выставилась тёмная голова и крикнула: «Что надо?»

«Ночевать бы. Можно?»

Голова скрылась со словами: «Лексей, дай-ка бердану. Шляются какие-то».

Мы поспешили отойти. Мы ждали приглашения к чаю, даже, пожалуй, к ужину, а тут — наось! Бердану! У нас самих ружья за спиной.

— Ладно, поищем какое-нибудь логово, — сказал Иван Акимыч. — В крайности, под мостом где-нибудь приткнёмся.

В густых сумерках побрели мы вдоль полотна и минут через двадцать неожиданно наткнулись на избу. Стукнули в окошко — мрак и тишина. Ворота растворены, и на дворе полнейший хаос: пустые бочки, сломанные передки телег, старые банки из-под керосину, заменяющие вёдра, старые какие-то тряпки... Изба, видно, была покинутая. С ружьями наперевес, зажегши лучинку, вошли в таинственное жилище, ежеминутно ожидая, что откуда-нибудь грянет выстрел или мелькнёт обух и будут большие неприятности. Амурская тайга учит быть настороже, особенно по отношению вот к таким брошенным избушкам. Настоящих-то хозяев, может быть, уже и на свете нет, но могут быть постояльцы, иногда очень серьёзные люди, с хорошим длинным «пером»¹ за голенищем или «шестизубой собачкой»² в кармане.

Поэтому мы осматривали избушку очень тщательно. Заглянули во все углы, под печку, на печку, в печку — везде была мерзость запустения, покрытая толстым слоем пыли и затканная старой, запылённой паутиной. Изба была пустая, брошенная, а раньше в ней, должно быть, была мелочная торговля.

Соблазнительно было прилечь на широких скамьях, но без чаю в тайге как-то не спится. Я пошёл поискать воды, а Иван Акимыч стал разводить костёр во дворе, перед крыльцом. За избушкой слышалось бормотание бойкого ручейка. Я пошёл напрямки, но идти почти не понадобилось, так как раньше, чем я опомнился, тело моё быстро поплыло по скользкой глине куда-то вниз и въехало прямёхонько в ручей, насмерть перепугав с полдюжины молчаливых лягушек. Следом за мной с грохотом летел чайник. Я подождал, не покажется ли вслед за ним и моя шляпа, но она не показывалась. Минуту спустя, зачерпывая чайником воду, я нащупал на дне ручья какой-то мягкий предмет, который и оказался моей шляпой, имевшей очень сконфуженный вид.

¹ Перо (воровской жарг.) — нож.

² Шестизубая собачка — кастет.

Кое-как, окольными путями добрался я до двора. Костёр ярко пылал. Иван Акимыч достал откуда-то охапку сухой соломы и лежал на ней, покуривая папироску и отмахиваясь от комаров. Повесив чайник над огнём и около чайника, на колышке, шляпу, я тоже улёгся.

Разведривалось.

Было тихо. Над тайгой висел туман. Где-то вдали отрывисто и сердито кричал дикий козёл. За избушкой чернели могучие, стройные лиственницы, а над ними темнел мягкий бархат неба. Звёздная ночь обещала ясное, ведренное утро. Вёдро же пророчила и старинная таёжная примета — звонкое и отчётливое постукивание невидимой птицы-кузнеца. Перед ненастьем её голос хрипнет.

Только было мы расположились поудобнее, чтобы полнее насладиться чаепитием, как вдруг...

— Ага, да тут живые души есть! — раздался сзади нас густой, сипловатый бас. Ружья словно сами вскочили в руки, весь корпус машинально подался назад — подходи, мол, земляк, потолкуем.

Но земляк, видно, и сам был бывалый таёжник: он подходил к костру тихо, держа одну руку с дымящейся папироской у губ и широко размахивая другой, — дескать, не беспокойтесь, никакого подвоха нет, безоружный.

— Чай да сахар! — пробасил земляк.

— Милости просим! — откликнулся Иван Акимыч.

— Посижу, коли не прогоните, — улыбнулся наш гость.

— Зачем прогонять? Места хватит. Квартира не арендована. Садись, брат, покурим. Вот, не хочешь ли?

— Можно! Курнём пошенишного! — сказал земляк, осторожно беря папироску.

Разговор понемножку наладился. Земляк сказал, что он — канатный мастер из деревни N-ской, пришёл на разъезд дожидаться поезда на Алексеевск¹, да припозднился, стукнулся было к ремонтным рабочим — посоветовали проваливать, пока цел; пошёл от скуки по линии и набрёл на наш огонёк. Мы предложили ему чаю, у него в кармане оказался и сахар. Сидели около костра и вели тихую беседу. Наши глаза пытливо щупали неожиданного гостя — что за человек и нет ли за ним какого-нибудь хвоста из двоих-троих добрых молодцев. Земляк тоже, улучив минутку, внимательно впивался в нас взглядами и чувствовал себя, видимо, не вполне свободно.

Узнав, что мы из города, земляк обрадовался случаю задать наболевший вопрос:

— Ну а как насчёт первого разряда, не слышать там у вас?

— Да что, брат, говорят, что и второй скоро заберут².

— О! И второй! Ну, тогда совсем халя³!

— Туго будет?

— Петля!

¹ Алексеевск — название города Свободного до 1917 года.

² Речь идёт о призыве на войну.

³ Халя (диал., устар.) — смерть, конец жизни, конец чего-либо.

Земляк сокрушённо махнул рукой.

— И что только идёт! И конца-края нет! А может, только так, пугают?.. А тут ещё, старики говорят, Китай подымется.

— Врут старики.

— Врут-то люди, поди, точно, только даром-то и чирей не вскочит. Всё сперва почешется. Видение тут было одному.

— Виденье?

— Вроде как виденье. Конечно, может, оно и не виденье, а только такой случай был. С одним тут старичком.

— Ну, ну, рассказывай.

— К ночи-то и не шло бы...

— Пустяки. Кури-ка, да и сказывай.

Земляк двумя перстами взял папироску, достал из костра уголёк, прикурил и вздохнул.

— Правда ли, волынка ли — не знаю, — начал земляк. — Как купил, так и продаю. Ехал старик... так, один тут старичок... из города домой. Ночью. Ну, едет это он, глядь, на дороге чего-то лежит... Предмет, сказать. Ткнул кнутовищем — шапка. Он её сейчас на попа да в телегу. Вещь! Всегда пригодится. Ну, положил он эту шапку и едет дальше. Ехал, ехал, глядь, сзади человек бежит. Старик тёртый был, ударил по мерину, вскачь! Тот за ём. Старик припускат, а тот за ём. «Стой, — кричит, — дедка! Худа не будет». А дедка знай по мерину хлещет, так-то вернее, уехать-то от греха. Только тот не отстаёт, прямо сказать, летит, язви его, хлеще твоей тройки. Настиг лошадь — за уздцы. «Стой!» — говорит. Старик уж и топоришко из-под мешка вытащил, думает, в случае чего, благословлю, мол, а тот и спрашивает: «Ничего по дороге не подымал?» — «Подымал». — «Шапку?» — «Шапку». — «Моя!» — «Бери, коль твоя!» И шлёп ему шапку под ноги. Тот взял шапку и говорит: «Ну, счастлив твой Бог, что не утаил. Только бы тебе и жить до этого места. Но как ты не потаил, открою я тебе сушью правду: будет у вас хороший урожай, только не собрать вам его!» И... того... пропал... Таки дела-то!

Земляк обвёл нас значительным взглядом и снова зажёг потухшую папироску.

— Старичок-то трезвый был? — спросил Иван Акимыч.

— Смеху тут, господа, никакого нету! — возразил земляк. — Трезвый, нет ли — это сторона. А ты вот скажи, к чему эти слова: «Урожай хороший, а не собрать»?

— Да, загвоздка, — лениво согласился Иван Акимыч.

— То-то и оно-то, что загвоздка. Урожай будет, а не собрать. Тут одно: Китай подымется. Подымется Китай, тут и урожаю крышка.

— Подыматься-то ему не с чего бы, — сказал Иван Акимыч.

— Это уж там, конечно, как повернётся дело, а только чёрт недаром загадку загадал.

— Так это чёрт был?

— Да как хошь считай. Чёрт ли, не чёрт ли...

— Н-да... Ну, что ж, посмотрим. Разве ещё чайничек согреть? — предложил Иван Акимыч.

Не встретив возражений, Иван Акимыч пошёл за водой, а мы с земляком отправились вглубь двора за дровами. Тут было много разного деревянного старья: оглобель, полозьев, саней, рассыпавшихся бочек.

Костёр пылал бешено. Хотелось спать, но присутствие земляка стесняло. Бог его знает, что за человек.

— Дурной твой чёрт был, дядя, — говорил Иван Акимыч, прилаживая чайник над огнём. — Шапку потерял на дороге! Со свадьбы, что ли, шёл?

— Конечно, вы не верите, — сказал земляк. — Да оно, может, и вправду ничего нет. Только всё-таки иногда бывает.

— Бывает?

— Бывает, господа, бывает. Вот вы, может быть, учёные, а ну-ка, сходи кто из вас сейчас на Пёру? На спор пойду, не сходит...

— Пожалуй... — согласились мы.

— Жуть... Может, это про лешего и сказки всё, а только — жуть. Лес, тайга, чернота. Всяко на ум придёт. Вот мы тут восьмой год живём, а всё не привыкли.

Поправив носком бродней поленья в костре, земляк понемногу разговорился о своём житье. Выходец из степного Воронежья, он худо чувствует себя в лесу. «Тоскливо шибко». Теперь ещё не так, а вот в первое время, когда на участке было только три семьи, жутко было. Боялись не тёмного люда: спиртоносы и беглые появлялись в их посёлке, но худа от них не было. Тоску наводил лес, особенно в ненастные осенние ночи. Шумит, воет, треск идёт, гул, прямо за душу хватает. «Хоть глаза завяжи да бежи». Приходят на ум всякие страхи из бабушкиных сказок, оставшиеся ещё в памяти... Ребятишки жмутся к старшим, а тем и самим жутко... Как начали вести железную дорогу, светлее стало. Прорубили тайгу, нахлынул новый народ. Посёлок стал расти. Теперь в нём дворов до тридцати.

— Жить бы и ничего, да «неуютно как-то», — говорил земляк. — Скотину донимает гнус, трава таёжная — ржавая, «не манится»¹ она скотине. Бездорожье. То есть дороги-то и есть, да ездить-то по ним — не приведи Бог. Пашни болотистые. Трудно работать без машины. Кочки, пни. Урожаи, коли возьмёшься за дело как следует, хорошие, но трудно взяться за дело-то. Трудно, ох трудно, господа, — качал головою земляк. — А как возьмут первый разряд, так тут нам и халя...

В невесёлом раздумье dokonчили мы второй чайник. Пора бы и спать, но Иван Акимыч так многозначительно кивал на земляка, что спать было невозможно. А ну, как... если...

Земляк в свою очередь хотя и зевал очень аппетитно, но спать, видимо, не собирался.

Время потянулось медленно и тоскливо. Земляк для оживления компании рассказал, как в Светиловке работник торговца зарезал. Иван Акимыч передал своими словами описанную в газетах историю о таком же случае на Селемдже. В обоих рассказах фигурировали ножи и кайла, а финал был одинаковый:

¹ Не манится (простореч.) — не привлекает.

смерть купца и исчезновение убийцы, который «шляется теперь где-нибудь по хребтикам»¹.

Изредка то тот, то другой из нас подбрасывал в костёр дров. Потом земляк пошёл в сторону и начал ломать забор, а доски бросать в огонь. Двор осветился, как днём. Обрисовались стены амбаров, сеновала, ещё каких-то клетей. Иван Акимыч разыскал в одном углу бочку со старой, протухшей солёной кетой. Потом я полез на сеновал и нашёл много пустых банок из-под спирта. Потом Иван Акимыч слазил на чердак избышки и сбросил вниз пару беличьих шкурок, облезших и истлевших до дыр.

В таких операциях мы и коротали ночь. Показалась она нам чертовски длинной. Спать хотелось адски, но спать не решались. От скуки ещё два раза кипятили чай. Попробовали даже петь песни, но не ладилось. Наконец начало светать.

И только что заяснел восток, мы не торопясь стали укладывать и увязывать поудобнее пожитки. Скоро стало можно различать дорогу, и мы тронулись в путь, пожелав земляку целый ворох всяких хороших вещей.

2. Переселенческая дорога

После долгих утомительных блужданий «по хребтикам», мы вышли на дорогу как раз у верстового столба, на одной стороне которого было написано: 12, на другой — 10. Иван Акимыч и задумываться не стал, куда идти: конечно, куда ближе. Всё равно куда-нибудь да выйдем.

Сделав короткую передышку, мы зашагали вперёд.

Дорога была новая, проведённая не больше года назад. По обоим бокам её пестрели круглые срезы сосновых пней, не успевшие почернеть от непогоды, хотя всё-таки уже тронутые сероватой плесенью.

Тянулась она длинной нескончаемой просекой, прямой, как стрела. То взбегала на взлобок, то ныряла в котловину, и, насколько хватал взор, тянулась эта грязновато-жёлтая лента, теряясь вдали.

По сторонам стоял дремучий бор. Сосны и лиственницы, куда ни глянь — сосны и лиственницы, стройные, прямые, какие-то вызывающе опрятные. Эта опрятность — следствие лесных палов, свирепствующих здесь ежегодно. Пожирая сухой валежник, обжигая молодые побеги низких кустарников, палы не дают разрастись подлеску, и опалённые, почерневшие снизу сосновые стволы стоят одинокие, как мачты, и густая сеть шевелящихся теней, брошенная их вершинами на землю, играет и переливается по ковру разноцветных пушистых мхов. В таком бору почти нет цветов. Кажется, он раз и навсегда тщательно подметён чьей-то гигантской рукой для какого-то торжественного празднества.

Но когда бор подступает к спуску в ложбину, к мокрым местам, благообразие нарушается. Чем ниже, чем сырее место, тем гуще и пышнее надземный

¹ Хребтики (разг.) — уменьшительное по отношению к слову «хребет» (горная цепь). Хребтики — хребты сопок.

покров. Из земли бойко прёт молодая, сочная зелень, бестолково, наперебой стремится скорее выбраться кверху, беспощадно давя друг друга, хитро переплетаясь стеблями, цепляясь за малейшую опору, чтобы подняться повыше, захватить побольше солнца. Тут и могучий, выше человеческого роста, пырей, и медвежья дудка, и дикий клевер, вперемешку с тальником, мелким осинником и таволожкой. Сквозь эту зелёную путаницу трудно пробраться без ножа.

А ниже — кусты черёмухи, диких яблонь, обвитые повиликой, заросли шиповника и малины, метёлки розовой кашки и узорная пестрядь разных таёжных цветов. А далее, к самому болоту — царство осоки и ягодников, где так любят лакомиться тетерева.

Много прелести в этой задорной, беспорядочной низовой ватаге кустарников, трав и цветов. Но здесь же обычно находится и штаб-квартира всего таёжного гнуса: мошки, мокреца, комара, паута и тому подобной кусачей публики. В данном случае мы имели полную возможность испытать на себе все калибры и все роды её оружия. Тихий безветренный день, жаркий и душный, только поспособствовал нашим мученьям. Не помогало ни усиленное куренье, ни даже обмахивание веткой. Мошки была такая уйма, что положительно воздух звенел от её писка и жужжанья. Кто не испытал сам лично этого удовольствия, тот и понять не может, как туго приходится в тайге от гнуса, особенно в жаркий день, когда рубашка липнет к телу, со лба струится пот, вся голова взмокла и всё тело нестерпимо зудит и чешется.

Амурская тайга, болотистая и сырая, богата гнусом. Без сетки здесь трудно обойтись. Каково же здесь приходится постоянному жителю, которому нужно и пахать, и жать, и косить при этой массе комаров и мошки? О рабочей скотине уже и говорить не приходится.

А здесь теперь селят переселенцев, большею частью хохлов, выходцев из украинских степей. Как-то себя чувствуют здесь дети Украины?

На этот вопрос мы ожидаем найти ответ там, куда вела нас дорога. Вела она, без сомненья, в новосельский посёлок. По всему было видно, что посёлок новый и маленький. Дорога совершенно неезженная, колеи еле намечены. От вчерашнего дождя вся она размокла, раскисла и на спусках к мочажинам и ручьям по ней приходится катиться, как на коньках.

Дорогу, несомненно, строило переселенческое управление. Уже одно то, что проходила она, не придерживаясь сухих мест, хребтов, как ведётся в тайге обычная просёлочная дорога, говорило о том, что строили её люди, которым этой дорогой пользоваться не придётся. Строили её «для отчёта». Нельзя же посадить новосёла на участок, не проведя к нему дороги! Как провести — это, конечно, другой вопрос. Провести нужно, по мнению господ землемеров, как можно короче и как можно дешевле. А так как «прямая линия — кратчайшее расстояние между двумя точками», то, наметив участок, и погнались от него дорогу по теодолиту, прямо, через болото — так через болото, через гору — так через гору, через топь — так через топь. И получилась дорога, по которой только сохатый может идти без опасенья сломать ногу.

По краям дороги вырыты канавки, очевидно, для отвода дождевой воды. Но так как дорога идёт с горы в лощину, а с лощины на гору, то вся дождевая вода с обеих гор, как с естественного водораздела, течёт по канавам как раз на

полотно дороги в низком её месте и разливается в широкое болото. А так как господа землемеры вели дорогу в сухое время и на месте теперешнего болота воды не было, то насчёт моста и не заботились. Впрочем, не будь канав, моста и не потребовалось бы, вода стекла бы по естественной ложине узеньким ручьём, но теперь она застаивается здесь надолго и делает дорогу непроезжей.

Но не приходится особенно радоваться и мостам, построенным через ручьи и речки. Землемеры строили их, исходя из того же положения: был бы мост, а ездить по нему нам не придётся. И в результате по мостам положительно нельзя ездить.

Правда, все мосты новенькие, свеженькие, ровненькие. Обнесены они такими прочными, изящными перильцами! Но беда в том, что на мост никак нельзя взобраться. К нему совсем не сделано настилки с полотна дороги. По полотну подходишь к мосту вплотную и упираешься коленями в крайнее бревно моста. Пешему стоит только хорошенько подпрыгнуть, и будет на мосту, а потом — спрыгнуть, и вновь шагай по дороге. Но конному, да ещё с возом, прыгать не приходится, и волей-неволей приходится объезжать мост стороной, по ручью, отыскав наиболее мелкое место.

Иван Акимыч, по-моему, прав, назвав эти мосты «лешевыми столами».

Лешие вполне могут пользоваться любым переселенческим мостом, как столом для карточной игры¹, а для иных надобностей он не годится.

Один из мостов мне особенно запомнился потому, что на него даже и вспрыгнуть не было возможности, и нам пришлось с Иваном Акимычем поднимать повыше голенища сапог и искать броду.

Канавы и мосты делают переселенческую дорогу совершенно непроезжей в низких местах. А в высоких её очень часто преграждают стволы лиственниц и сосен, поваленных бурей. Просека узкая, углубленная в бор очень мало, и буря валит деревья прямо на полотно. Таким образом, для переселенцев создаётся и ещё одна натуральная повинность: расчистка дорог от бурелома.

На одном из таких стволов мы и присели, вконец измученные дорогой и мошкой. До деревни, если она вообще была здесь, оставалось полторы версты, но мы уже выбились из сил.

Мы сидели и угрюмо курили, отмахиваясь от мошки, когда по дороге навстречу нам замаячили две человеческие фигуры. Очевидно, это и были жители посёлка. В руках у одного была большая двуручная пила, другой же нёс мешок с провизией.

Когда они подошли к нам, мы раскланялись и спросили, что за деревня впереди.

— Золотой Ключ, господа! — сказал благообразный старик, несший мешок.

¹ Всякий амурец, я уверен, знает, что в каждой лесной пади есть свой хозяин — леший, в исключительном владении коего и находится вся дичь данной пади. А лешие — страшные любители карточной игры. И вот, по ночам, лешие соседних падей сходятся где-нибудь на хребтик и дуются в карты. Бывает, что какой-нибудь азартный леший проиграется «в пух» и тогда перегоняет всю свою дичь в падь счастливого соперника. Охотник, бродящий по обыгранной пади, тщетно будет искать в ней дичи: даже воробьёв и мышей проиграл несчастный леший! — *Примеч. автора.*

— Толмачёвка, дед, теперь, а не Ключ, — поправил парень с пилой. — Ключом раньше звали, теперь приказано Толмачёвкой¹.

— Да, господа, теперь точно, что Толмачёвым прозываемся. По губернатору, господа. А так, для себя — Золотой Ключ, господа. А пишется Толмачёва, это верно, господа... По губернатору.

— Спасибо! До свиданья. Пойдём в вашу Толмачёвку чай пить.

— Счастливо, господа, счастливо, — напутствовал нас старик, приподняв полинялую фуражку над седыми кудрями.

3. Золотой Ключ

Напрасно мы ожидали, что вот-вот попадётся поскотина, без которой не обходится ни одно сибирское поселение. На поскотину не было даже намёка, и дорога упиралась прямо в посёлок, пробежала через него короткой и прямой улицей и, такая же прямая, выбегала дальше, теряясь в зелени сосен.

Не было видно и полей. Окрестности села, насколько хватал глаз, зеленели кустарниками, и только вплотную у самых хат чернели пятна взрыхлённых огородов с хилыми всходами кое-каких овощей. Ни лошади, ни коровы, ни телёнка нигде. Даже ни одной свиньи не видно.

— Чисто живут, — с желчной иронией заметил Иван Акимыч. — Глазу зацепиться не за что. Хоть шаром покати!

Да, первое впечатление было самое безотрадное. Новенькие бревенчатые хатки, крытые дранью, стояли одиноко, огороженные кое-как, без амбарушек, без хлевов, без всяких признаков прочно налаженного хозяйства. Кое-где на дворах чернели землянки с дерновой крышей; немудрёный крестьянский инвентарь — лопаты, грабли, вилы — валялся около хаток.

Всего мы насчитали двенадцать дворов, из них один сравнительно далеко от села, на отлёте, в зелёной низине. Да и всё поселение стояло на низком месте. На улице чернела глубокая, вязкая, серая грязь. От крыльца почти каждой избы по двору к землянкам были проложены мостики из драниц — очевидно, даже во дворах было иногда невозможно ходить благодаря грязи.

Мошка висела над дворами густою сеткой.

Две-три собаки встретили нас заливистым лаем. Выглянуло в окошко детское личико. Пожилая женщина, вышедшая во двор с какою-то лоханкой, удивлённо посмотрела на нас.

— Далеко, тётка, до линии? — спросил Иван Акимыч.

— До линии? А кто её знает? Вот идите до Романовки, оттуда близко.

— А Романовка — это где?

— Да тут, дальше, версты, однако, две, а то три. От ей близко до линии-то.

— Ага. Ну, спасибо. А что же это, тётка, у вас народу-то не видно?

— На работе народ-то. Лес валят. А вы кто такие?

¹ Толмачёво (бывш. Золотой Ключ) — село на территории современного Шимановского района, названное в честь военного губернатора Амурской области в 1913—1916 гг. Толмачёва Владимира Александровича (1853—1932), ныне не существует.

— Мы городские. Речку вот тут одну ищем.

— Поди, насчёт золота?

— Нет, по другому делу.

— Много их тут, речек-то. Есть какие и с золотом, говорят. Да болячка их знает, всё, поди, брешут. Вот наша речка зовётся Золотой Ключ, а хоть бы поглядеть, како тако золото живёт.

— Нет, мы не за золотом. Ну, счастливо оставаться, идём дальше.

Мы решили остановиться за селом, у речки, и напиться чаю. Иван Акимыч знал про Романовку, там у него даже был знакомый. Выходило, что мы сделали здоровый крюк и взяли совсем не в ту сторону, куда было надо. Приходилось или возвращаться по этой же дороге вёрст пятнадцать назад, или идти вперёд до линии и оттуда снова углубляться в тайгу. Лучше, конечно, было пробираться к линии.

Меся усталыми ногами глубокую грязь улицы, выбрались мы к речке и ахнули: Золотой Ключ весь ещё стоял во льду¹. Вода бежала только серединой, проев узенькое русло, а берёзовые кусты и старая осока ещё крепко были скованы полуторааршинным² слоем льда. Странно было видеть ольхи, стволы которых торчали изо льда, а почки уже лопнули и зеленели первыми листочками. А по склону, сбегавшему к ручью, цвели в одно и то же время и ландыши, и багульник.

Мы сидели у костра, когда к нам подошёл крестьянин, житель Золотого Ключа. Мы с ним разговорились.

Захар Кононыч рассказал нам много интересного о своей амурской жизни.

Посёлок существует, оказывается, только второй год, да, пожалуй, и последний. Уже думают уходить отсюда подобру-поздорову. Первая причина — сырость задавила:

— Видели, чать, как мы по дворам ходим? Всё по мосткам, везде всё плитувары³, как в городе. Без плитувару даже вы... не пройдёшь. Топь, болото.

— Да кто же вас сажал сюда?

— Сажали, конечно, землемеры. На бумаге участок значится сухим, удобным для пашни, со строевым лесом, хорошей проточной питьевой водой. Насчёт воды — это верно. Вода хорошая! Видишь, и сейчас ещё лёд. В прошлом году до Петрова дня⁴ лежал, не знай, как нынче. Погреба не надо — льду, вишь, сколь! Закопай под ольхой — небось не испортится. Да хранить-то нечего. Ни мяса, ни масла. Пашен расчистить ещё не успели. Да и охоты большой нет. Как прожили год на этом болоте, так у самых рьяных руки опустились.

— Чем же живёте?

Оказывается, только и заработок — дрова на линию выставлять. Уходят также на работы по ремонту линии.

¹ Дело было 2 июня. — *Примеч. автора.*

² Аршин — старая русская мера длины, равная 0,71 м.

³ Плитувары (простореч., искаж.) — тротуары, настилы из плит, досок.

⁴ Петров день — церковный и одновременно народный праздник в честь апостолов Петра и Павла, который приходится на 29 июня по старому, 12 июля по новому стилю.

— Ну, а ещё, коли правду говорить, контрабантом¹ иные промышляют.

— Спирт носят?

— Во-во... Ничего не попишешь, приходится изворачиваться. Мошка, проклятушая, вконец донимает. Скотину ночью пасти приходится. Днём хоть не выпускай — заест.

— А есть скотина-то?

— Ох, горе одно. Во всём селе всего с полдесятка коней да чушек, никак, штук восемь, и всё.

— А коров?

— Этого не водится. Даже курей, и тех нет. Одно слово — погибель. Сырость. Чуть дождь прошёл — на улицу не ходи. Видали, чать, как у нас на дворах-то! Сквозь плитувары.

— А насчёт побочных заработков плохо?

— Да чего там! Какие заработки! Дрова ставим на линию... Золотишко пробовали было мыть, да то ли без уменя, то ли что — ни шиша не добыли.

— Охотой не занимаетесь?

— Для охоты струмент хороший нужен. А у нас где? Дубинкой не настроляешь. А дичи — пропасть. Тетери на заплот садятся. Коз много. Зимой один тут житель собирает лис травить...

— Н-да... Житьё ваше аховое!

— Житьё! — сокрушённо махнул рукой собеседник. — Житьё...

Он помолчал:

— А как насчёт первого разряду — ничего не слышно?

¹ Контрабантом (искаж.) — контрабандой.